

за однимъ, такъ что Иванову грозила опасность остаться одному въ классѣ, еслибы не было въ каждомъ курсѣ людей съ прекраснымъ поведеніемъ, которые стали бы сидѣть и у нѣмого профессора до тѣхъ поръ, пока онъ не вышелъ бы изъ класса.

По части неспособности быть наставникомъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, съ Ивановымъ могъ поспорить бакалавръ греческаго языка Иванъ Дмитріевичъ Колоколовъ. Онъ былъ гостепріимный, добрый, даже добрѣйшій, можно сказать, наивный человѣкъ. Замѣчались въ немъ маленькія слабости и странности, но намѣренно, злобно обижать кого-либо онъ не могъ, даже не сумѣлъ бы; на счетъ его можно было пошутить, но ненавидѣть его, какъ человѣка, нельзя. Но пусть почитатели его извиняютъ меня, если я скажу, что онъ, не смотря на 23-лѣтнее преподаваніе греческаго языка въ петербургской духовной академіи, былъ все-таки очень плохой наставникъ по этому предмету въ высшемъ учебномъ заведеніи. Прежде всего скажу, что онъ сильно страдалъ заиканьемъ; для него чрезвычайно трудно было произносить слова, начинавшіяся двумя или болѣе согласными буквами, особенно когда ими начиналась рѣчь. Уже по этому одному обстоятельству ему бы не слѣдовало быть наставникомъ. Потомъ необходимость, по причинѣ косноязычія, съ усиліемъ и медленно произносить слова, какъ будто рефлексивнымъ образомъ дѣйствовали въ Колоколовѣ на мозгъ, въ которомъ тоже съ большимъ напряженіемъ и съ убійственною для слушателя медленностью вырабатывались мысли и подбирались слова для выраженія ихъ. Это качество еще болѣе надоѣдало студентамъ, нежели косноязычіе.

Греческій языкъ Колоколовъ зналъ хорошо, даже очень хорошо, но вовсе не такъ, какъ прилично эллинисту, а лишь грамматически и лексикографически. Онъ только умѣлъ буквально, даже педантически-буквально переводить разныя статьи изъ греческихъ хрестоматій, но никогда не дѣлалъ оцѣнки слогу авторовъ, не сравнивалъ ихъ между собою, не читалъ ничего похожаго на греческую литературу, былъ только скучнымъ учителемъ греческаго языка. Кромѣ того чрезвычайно любилъ заниматься мелочами; надъ иною частицею, или надъ тѣмъ, которое изъ двухъ однозначущихъ словъ слѣдуетъ употребить въ переводѣ, простиживалъ и продумывалъ по нѣскольку минутъ. Напр., когда студентъ слово: *hippos* de перевелъ на русскій языкъ словами: *кони же*, то Колоколовъ сказалъ ему: «мнѣ кажется, что вы не такъ перевели».